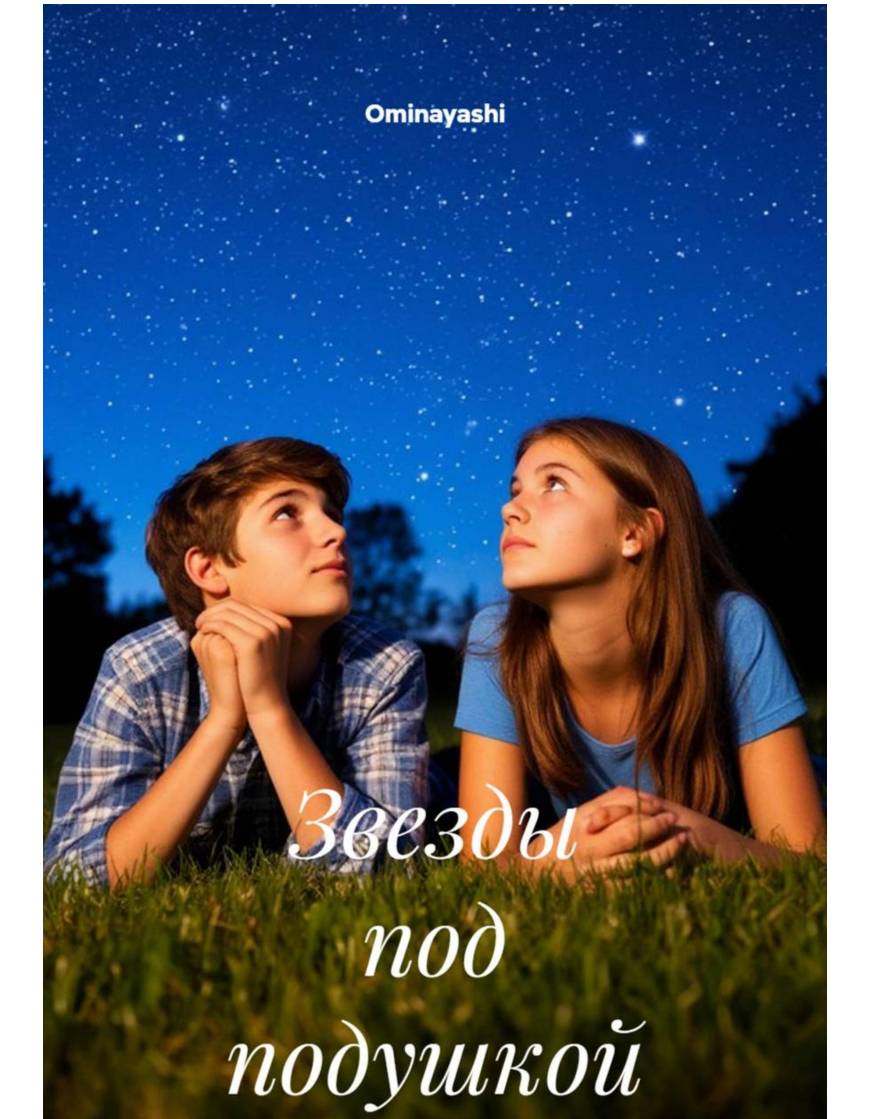

A young man and woman are lying on their stomachs in a field of green grass under a clear night sky filled with stars. The man, on the left, is wearing a blue and white plaid shirt and has his hands clasped under his chin. The woman, on the right, is wearing a light blue t-shirt and has her hands clasped in front of her. Both are looking up at the sky with expressions of wonder. The sky is a deep blue, and the stars are bright and numerous. The overall mood is peaceful and contemplative.

Ominayashi

*Звезды
под
подушкой*

Ominayashi Ominayashi

Звезды под подушкой

<https://litres.ru/74593453>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Звёзды под подушкой» — тихая, звёздная история о мальчике Брэде, который с детства смотрел в небо, и о девочке Айе, которая жила через три забора и росла рядом с ним. Брэд видит в звёздах не точки, а бесконечность и свободу — и всё дальше ускользает от земли, от людей, от той, кто рядом. Айя сильная, упрямая, не умеет сдаваться, но как драться со звёздами? Повествование движется сквозь сезоны — лето, зима, весна, — и каждый приносит новый виток их отношений: отдаление, отчаяние, попытку понять и, может быть, впервые увидеть друг друга по-настоящему. Это сказка-притча о том, можно ли быть чьим-то небом и чьей-то землёй одновременно.

Ominayashi

Звезды под подушкой

Звёзды под подушкой

Глава первая. Мальчик, который разговаривал с небом

В городке, название которого не имеет никакого значения — потому что такие городки везде одинаковые, как близнецы, рождённые от одной скуки, — жил мальчик по имени Брэд. Городок этот стоял на холме, а под холмом текла речка, которую местные жители упорно называли рекой, хотя даже утка с трудом бы в ней развернулась. По обе стороны улиц росли липы — старые, корявые, с такими стволами, будто они когда-то попытались убежать и передумали на полпути. В июле липы цвели так, что воздух делался густым и сладким, как тесто для блинов, и дышать было почти невозможно, но никто не жаловался, потому что все чувствовали: именно так и пахнет настоящее лето.

Брэду было семь, когда он впервые увидел звёзды.

Нет, конечно, он видел их и раньше — мимоходом, краем глаза, как видят всё дети: быстро, без интереса, между делом. Но в тот вечер ему было семь, и он только что поссорился с отцом из-за какой-то ерунды — из-за того, что не хотел есть кашу, кажется, — и выбежал на крыльцо, и сел на ступеньки,

и задрал голову к небу просто потому, что больше некуда было задрать.

И вот тут-то всё и случилось.

Небо в тот вечер было таким, каким бывает только в августе, когда жара уже спадает, но ночи ещё не остыли по-настоящему, и небесная тьма не густая, как чернила, а жидкая, как разведённая акварель, и сквозь неё проступает всё, что есть наверху, — каждое созвездие, каждый одинокий огонёк, каждая бледная дорожка Млечного Пути. Брэд смотрел на это, и у него кружилась голова, и не от того, что звёзд было много — а от того, что все они были далеко. Бесконечно, невозможно, невысказанно далеко. И всё-таки он их видел.

— Эй, — сказал он звёздам. — Я тут.

Звёзды, разумеется, не ответили. Но мальчику показалось, что одна из них — самая яркая, прямо над крышей соседского дома — мигнула. Не мигнула в смысле «замигала» — а мигнула в смысле «привет».

С этого и началось.

Каждый вечер, едва солнце скатывалось за крыши и небо темнело, как дно старой кастрюли, Брэд выходил на крыльцо. Потом — на задний двор. Потом — на пригорок за домом, где трава была выше колена и пахла пылью и нагретой землёй. Он ложился на спину, закладывал руки за голову и смотрел вверх. И всё. Больше он не делал ничего.

Мать звала ужинать — он не слышал. Отец кричал из окна — он не откликался. Собака лизала ему ухо — он не за-

мечал. Он был где-то там, среди звёзд, и тело его на земле было лишь ненужной деталью, забытым чемоданом на перроне, пока хозяин едет в поезде всё дальше и дальше.

Если вы спросите меня, что именно он там видел — я не отвечу. Не потому, что не знаю, а потому, что у каждого свой потолок, и у каждого — своё небо над потолком. Скажу только, что Брэд не искал созвездий. Не пытался разглядеть спутники. Не гадал, есть ли там кто. Он просто смотрел. И в этом «просто» было столько всего, что хватило бы на десять жизней, прожитых не глядя.

Рядом, в доме через три забора, жила девочка по имени Айя.

Глава вторая. Девочка через три забора

Айя родилась в том же месяце, что и Брэд, в том же году, в той же больнице, и даже кричали они, по мнению медсестёр, в унисон — но это, конечно, преувеличение. Медсестры вообще любят красивые истории. Тем не менее, факт остаётся фактом: они появились на свет почти одновременно, словно кто-то решил: ну раз уж этих двоих всё равно ничего не разлучит, давайте хотя бы начнём их одновременно.

Айя была из тех девочек, которые умеют драться. Не в смысле — кулаками (хотя и кулаками тоже, однажды она разбила нос мальчишке, который дёрнул её за косу). Нет, она умела драться в смысле — не сдаваться. Если ей говорили «нельзя», она спрашивала «почему». Если отвечали «пото-

му что», она спрашивала «потому что что?». Если уставали и говорили «потому что потому что», она уходила и делала по-своему, и потом стояла перед разбитой вазой, или срезанной яблоней, или с оторванной кукольной рукой, и говорила: «ну, я же не знала». И врала, конечно. Она знала. Она всегда знала. Просто хотела проверить, что будет.

У неё были тёмные волосы, которые она никогда не заплетала аккуратно — коса расплывалась, выбивались пряди, и к вечеру на голове было что-то вроде вороньего гнезда, из которого торчали разноцветные ленточки, потому что мама каждое утро вплетала новые, а Айя каждое утро их вытаскивала. Глаза у неё были серые, как небо в ноябре, и смотрели на мир с таким выражением, будто мир ей слегка должен.

Они с Брэдом поженились в песочнице. Ей было три. Ему было три. Она строила крепость. Он строил дорогу к звёздам. Дорога шла через её крепость. Она сказала: «Ты сломал мою башню». Он сказал: «Извини». Она сказала: «Ладно, но теперь ты будешь строить дороги только туда, куда я скажу». Он сказал: «Хорошо».

И вот, заметьте, — это была, наверное, единственная договорённость, которую Брэд нарушил за всю свою жизнь.

Потому что когда стемнело, он всё равно ушёл к звёздам.

Глава третья. Как растут рядом и как растут врозь

Годы, знаете ли, странная штука. Они похожи на автобус, который едет по маршруту — останавливается на каж-

дой остановке, вроде бы никуда не торопится, но когда оглянешься — ах, проехали уже пять лет, и из пейзажа за окном исчезли слоны и появились пальмы. Или наоборот.

Брэд и Айя росли рядом. Ходили в одну школу — через те самые три забора был короткий путь, который оба знали на ощупь, даже если бы им завязали глаза. Брэд носил ей портфель — не потому, что рыцарь, а потому, что в его портфеле лежал только учебник астрономии (которого в школе, кстати, не преподавали, но он купил его на распродаже за три монеты), а в её — все учебники сразу, потому что Айя делала уроки. Все. Подряд. Даже по тем предметам, которые не любила. Это было у неё такое упрямство: раз уж начал — доделай, и неважно, что тебе от этого тошно.

Осенью за школой росли клёны, и листья падали так, будто каждый отдельный лист решал, когда ему упасть, и решал это с большой неохотой. Брэд собирал листья с пятью лопастями и говорил, что это — схема спиральной галактики. Айя собирала листья с тремя лопастями и говорила, что это — мотоцикл. Они спорили. Брэд говорил: «Мотоциклы не растут на деревьях». Айя отвечала: «И галактики тоже. Но ты же их здесь видишь». Это был аргумент, против которого Брэд не мог возразить, потому что — да, он действительно видел. И не только листья. Он видел звёзды в лужах, кометы в следах от самолётов, туманности в мыльной пене на тарелке после мытья. Мир для него был прозрачным, и сквозь всё в нём проступало небо.

Айя видела другое. Она видела, что Брэд становится всё дальше.

Сначала это было незаметно — как бывает незаметно, когда человек садится в поезд, а ты остаёшься на платформе, и сначала ещё можно бежать рядом и кричать в окно, а потом поезд разгоняется, и окно уезжает, и ты стоишь и смотришь на сужающийся хвост последнего вагона. Брэд был здесь — но его здесь было всё меньше.

Днём он был почти нормален. Почти. Ходил в школу (иногда), ел (обычно), разговаривал (редко, но разговаривал). Но едва темнело — он исчезал. Уходил на пригорок, ложился на спину, и всё. Мир для него заканчивался на верхней кромке неба.

Сначала Айя бегала за ним.

— Брэд, — говорила она, стоя над ним, пока он лежал в траве и смотрел вверх. — Брэд, я тут.

— М-м, — отвечал он, и это было всё.

— Брэд, мне скучно.

— М-м.

— Брэд, там Вэлли свалился с велосипеда и разбил коленку, и все побежали смотреть, и я тоже хочу пойти, пойдём.

— М-м.

— Брэд!

— Ага. Звёзды, Айя. Посмотри. Вега почти в зените.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.